

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 3 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 343 с.

ISBN 978-5-519-75383-8

ISBN 978-5-519-75383-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

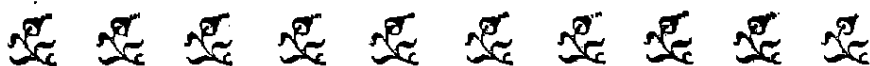
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОХОДЫ НА ДОХОДЫ

ПОВѢСТЬ

ГЛАВА I.

Поѣздъ Варшавской дороги приближался къ Петербургу. До послѣдней станціи оставалось всего пять минутъ пути и въ вагонахъ давно уже шла та хлопотливая возня съ подушками и саквояжами, которою всегда болѣе или менѣе вѣрно опредѣляется нетерпѣніе пассажировъ, готовыхъ подвергнуться даже увѣчью, лишь бы выскочить изъ вагоновъ прежде, чѣмъ они успѣютъ остановиться. Двери вагоновъ, предусмотрительно запертыя на ключъ, именно во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, наконецъ открылись, и публика съ обыкновенною безсознательною торопливостію повалила къ выходу. Платформа станціи, незадолго предъ тѣмъ унылая и пустынная, вдругъ оживилась и наполнилась народомъ. Засновали артельщики, толкая одинъ другого, въ погонѣ за саквояжами и гривенниками, полѣзли на глаза пассажировъ лакеи изъ гостиницъ съ предложеніями комнатъ — всѣ суетились, говорили, спѣшили и всѣ черезъ десять-двадцать минутъ куда-то разсѣялись и станція снова опустѣла. Впрочемъ, кой-гдѣ по угламъ оставалось еще нѣскольکو пассажировъ въ ожиданіи своего багажа, и между ними старушка съ тремя спутницами, повидимому ея дочерьми.

Старушка была небольшого роста, нѣсколько сгорбленная, съ значительнымъ уже количествомъ морщинъ на впалыхъ щекахъ, но еще не совсѣмъ дряхлая, хотя и очень, какъ казалось, медлительная во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Старшая спутница ея была средняго

роста брюнетка, лѣтъ подъ двадцать, а младшія двѣ — дѣвочки лѣтъ десяти-одиннадцати. Всѣ онѣ были одѣты въ одноцвѣтныя темныя платья.

Старушка, чѣмъ-то сильно озабоченная, копошилась въ своемъ саквояжѣ, старшая дочь хмурилась и кусала губы, замѣтно недовольная тѣмъ, что мать такъ долго не можетъ найти багажной квитанціи, и тревожно взглядывала то на нее, то на артельщика, стоявшаго около нихъ и тоже хмуришагося.

— Грушенька, я не могу найти, печально сказала старушка, обратившись къ старшей дочери.

— Ахъ, мамаша, вы вѣчно такъ! Зачѣмъ вы тогда мнѣ не отдали? Ну, что это, ей-Богу!.. Какъ теперь быть?

Грушенька говорила обиженымъ тономъ, и почти со слезами на глазахъ слѣдила за движеніями матери, продолжавшей рыться въ саквояжѣ.

— Вы, сударыня, главное дѣло, не очень себя беспокойте, замѣтилъ, наконецъ, артельщикъ, видя, что старушка совсѣмъ растерялась, ежели бы даже и утратилась квитанція — не суть важное дѣло... Вы извольте посмотреть въ сумочкѣ, у васъ вонъ, я вижу, тутъ еще въ ней особенный кармашекъ — не въ немъ ли?..

Но старушка не слышала его совѣта и что-то бормотала про себя, вздыхая и охая.

— Мамаша, слышите, не торопитесь, успокаивала старшая дочь, слышите, онъ говоритъ, что бѣды нѣтъ, если даже и потерялась квитанція.

— Ахъ, Боже мой, Господи!.. нетерпѣливо возразила старушка, ну, что ты, Грушенька, ко мнѣ пристаешь, только мѣшаешь... Я знаю, что давеча, вотъ полчаса какихъ-нибудь назадъ, она была у меня въ рукахъ. Катя, Лиза! обратилась она къ младшимъ дочерямъ, вѣдь вы же видѣли... Ахъ, да! Ты кажется, Лиза, положила ее къ себѣ въ сумочку...

Лиза и Катя, пертѣвшіяся около окна, вдругъ озаботились и стали тоже искать по карманамъ.

— Ахъ, вотъ! Слава Богу! радостно прошептала наконецъ старушка, отыскавъ квитанцію и подавая ее артельщику.

— Ну, вотъ-съ, я вамъ говорилъ, что въ особенномъ карманикѣ посмотрите, улыбаясь замѣтилъ онъ. Такъ оно и вышло.

— Какъ же это вы, батюшка мой, догадались? тоже улыбаясь спросила старушка.

— Дѣло привычное! Промежду пассажировъ чего не насмотришься, въ особенности... извините... со старушками.

Онъ весело взглянулъ на старшую дочь, какъ бы лица одобренія своему замѣчанію на счетъ старушекъ, но встрѣтилъ хмурое выраженіе и торопливо юркнулъ за дверь, сказавъ на ходу.

— Одну минутку пообождите. Я сейчасъ получу.

— Ну, слава Богу, вздохнула старушка, сядя около своихъ подушекъ, а я, грѣшница, совсѣмъ было растерялась...

Старшая дочь ничего на это не отвѣтила.

Всѣ четверо были грустны и не только потому, что такъ долго не находилась багажная квитанція, которую старушка по безпамятству своему сама не знала, куда положила, но главнымъ образомъ были грустны потому, что такъ ярко и во всей своей силѣ владѣло ими впечатлѣніе недавняго горя, утраты единственной ихъ опоры—кормильца семьи. Онъ возвращался изъ-за границы, гдѣ покойный мужъ старушки и отецъ ея трехъ дочерей, Аванасій Федоровичъ Истомина, имѣлъ мѣсто дьякона при одной изъ русскихъ церквей.

— Давно ли мы, думала теперь старшая дочь, грустно оглядывая окна и стѣны вокзала, давно ли, кажется, мы уѣзжали изъ этого же вотъ вокзала за границу! Съ какими тогда надеждами я оставляла Петербургъ, какъ всѣ мы были счастливы!.. Надѣялись тамъ вѣкъ прожить—и вотъ четырехъ лѣтъ не прошло, какъ

пришелъ этому вѣку конецъ! Возвращаемся обратно сиротами и почти безъ средствъ...

Дѣйствительно денежныя средства старушки были самыя незначительныя. Единственная ея надежда была на милость начальства покойнаго мужа. Всю дорогу она только объ этой милости и вздыхала, и теперь думала все о томъ же, не дававшемъ ей покоя вопросу, а именно: сжалятся ли надъ сиротской долей лица власть имѣющія и назначать ли мѣсто ея покойнаго мужа тому, кто согласится жениться на ея старшей дочери. Она знала, что давно уже вывелся старый порядокъ укрѣпленій церковныхъ приходовъ за невѣстами, но вѣрила, что на милость закона нѣтъ и жила надеждою на эту милость. Не отдаваясь, подобно дочери, воспоминаніямъ о прошедшемъ счастливомъ времени и не терзаясь сожалѣніями о несбывшихся надеждахъ, она томилась теперь заботою о томъ, что артельщикъ такъ долго не является съ ея чемоданами и эти заботы вызывались все тѣмъ же вопросомъ о судьбѣ дочери, который ее томилъ и не давалъ покоя.

— Ахъ, скорѣе бы, Грушенька, какъ онъ долго! шептала она, тоскливо смотря на двери, въ которыхъ долженъ былъ появиться артельщикъ.

— Ну, вотъ вы всегда такъ, мамаша, торопитесь, гдѣ не нужно, а гдѣ нужно, тамъ медлите да охаете ..

— Полно, Грушенька, перестань! зашептала старушка, дергая дочь за платье и оглядываясь, не слышитъ ли кто посторонній ихъ разговора.

Багажъ, заключавшійся въ двухъ небольшихъ чемоданахъ, былъ наконецъ полученъ и старушка Марья Васильевна съ тремя дочерьми отправилась на Васильевскій островъ въ квартиру дальняго родственника ея покойнаго мужа.

ГЛАВА II.

Дальній родственникъ покойнаго мужа Марьи Васильевны былъ Никандръ Прохоровичъ Песчаникинъ

ниженскій, тощеньскій департаментскій чиновникъ, одинъ изъ тысячи тѣхъ мелкотравчатыхъ, которыми кишатъ канцеляріи разныхъ петербургскихъ департаментовъ, судовъ и палатъ.

День приѣзда Истомяныхъ въ Петербургъ былъ праздничный, и Никандръ Прохоровичъ отдыхалъ отъ своихъ канцелярскихъ трудовъ, покуривая трубочку и посматривая въ окно на пустынную улицу шестнадцатой линіи. Проскрипѣвъ перомъ шесть дней въ канцеляріи, онъ могъ теперь въ седьмой день почить отъ своихъ дѣлъ и отдаться разнымъ пріятнымъ мечтамъ о прибавкѣ жалованья, о повышеніи по службѣ, о пенсіи и т. п. Ему тѣмъ болѣе удобно было мечтать, что жена его съ утра ушла куда-то и не мѣшала ему сидѣть, гдѣ онъ издумаетъ, курить сколько угодно и даже спать, чѣмъ, во время ея пребыванія дома, онъ не всегда могъ спокойно пользоваться по причинѣ той ревнивой заботливости о чистотѣ и порядкѣ въ домѣ, какою отличалась жена его, Маремьяна Ивановна.

Замѣтивъ въ окно, что у воротъ его квартиры остановилась извозничья карета, Никандръ Прохоровичъ засуетился, схватилъ второпяхъ, что попало подъ руку изъ верхняго платья и выбѣжалъ за ворота, догадавшись, что никто иной не могъ подѣлать къ его квартирѣ, какъ давно ожидаемая имъ Марья Васильевна съ ея семействомъ.

— А-а, Марья Васильевна! привѣтствовалъ онъ, встрѣчая приѣзжихъ, — запоздали! По письму-то вашему давно бы пора вамъ быть.

— Охъ, голубчикъ мой, Никандръ Прохоровичъ, похворала дорогой. Останавливалась. Шутка ли, какая даль, печально объяснила Марья Васильевна.

— Похворали? заботливо спросилъ Никандръ Прохоровичъ, и лицо его вдругъ приняло печальное выраженіе. То-то я думаю, что васъ долго нѣтъ... Ну, Богъ дастъ, здѣсь у насъ на родинѣ поправитесь... Пожалуйте сюда...

Онъ очень любезно и съ большою почтительностью

улаживалъ за гостями и хлопоталъ, оправдываясь и извиняясь за обстановку своей небольшой квартиры.

— Ужъ извините, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ... Жены дома нѣтъ, ушла. Не понимаю, гдѣ она такъ долго запропала .. вотъ обрадуется-то! Мы, знаете, частенько съ ней соображали, почему бы вы могли замедлять такъ. Ну, да если хворали, оно и понятно теперь... Очень, очень горевали, знаете, когда получили извѣстіе о смерти Аѳанасія Ѳеодоровича... Конечно, воля Божія, всѣ тамъ будемъ... Но рано: жить бы да жить еще!

— Охъ, ужъ пожалуйте, Никандръ Прохоровичъ... объ этомъ не надо... Такое горе... Скорбь такая невыносима... начала было старушка и недоговорила, уткнувшись лицомъ въ платокъ.

Старшая дочь отвернулась къ окну, тоже скрывая слезы, а Никандръ Прохоровичъ, спохватившись, поспѣшилъ переменить разговоръ.

— Марья Васильевна, садитесь вотъ сюда, а вы, Аграфена Аѳанасьевна, вотъ здѣсь .. Ну, а молодая барышнин, вотъ хоть тутъ... торопливо говорилъ онъ, показывая руками на диванъ и на стулья.

Гости покорно сѣли на указанные мѣста.

— Признаюсь, Марья Васильевна, измѣнились вы, продолжалъ Никандръ Прохоровичъ, стоя передъ старушкой въ почтительной позѣ. Измѣнились, знаете; нѣсколько постарѣли. Ну, конечно — время! А вы, Аграфена Аѳанасьевна, похорошѣли очень. Не лъщу — повѣрьте...

Правую руку свою, желтую и костлявую, онъ крѣпко прижалъ къ груди, увѣряя, что не лститъ, и потомъ нѣсколько разъ увѣрялъ, что очень радъ ихъ приѣзду — вообще выражалъ большое удовольствіе и старался быть любезнымъ и внимательнымъ.

Пока мать и старшая дочь разговаривали съ нимъ, меньшія двѣ съ изумленіемъ осматривали обстановку его маленькой квартиры: ихъ все удивляло — и старый диванъ краснаго дерева, обитый кожей, на которомъ

сидѣть было также удобно, какъ на каменной скамьѣ, и простѣйное зеркало тоже краснаго дерева, оббитое плющемъ и касавшееся верхушкой потолка, и, наконецъ, разнокалиберныя стулья и истертый коверикъ предъ письменнымъ столомъ. Все очень старенькое, отцвѣтшее, но содержавшееся въ большой чистотѣ. Перешептываясь между собой, дѣти не замѣчали какъ, по мѣрѣ разговора Никандра Прохоровича съ ихъ матерью, измѣнялось выраженіе его лица, и какъ онъ, еще недавно смотрѣвшій на нее съ заискивающей улыбкой, смотритъ теперь не только съ изумленіемъ, а даже какъ будто сердится, подозрительно оглядывая ихъ скудный багажъ, тутъ же у дверей комнаты сложенный.

— Катя, шептала старшая дѣвочка, ты думаешь, это настоящій плющъ вокругъ зеркала?

— Совсѣмъ не думаю, съ чего ты взяла! отвѣчала младшая.

— Я думаю, что настоящій, потому что очень трудно сдѣлать ненастоящій... А тамъ, смотри-ка, въ той комнатѣ какая смѣшная кровать!

Старшая дѣвочка хихикнула, младшая строго взглянула на нее, нахмуривъ брови, и отошла въ сторону.

А Никандръ Прохоровичъ въ это время говорилъ съ Марьей Васильевной уже совсѣмъ не тѣмъ тономъ, которымъ говорилъ четверть часа тому назадъ.

— Нѣтъ, Марья Васильевна, нѣтъ, какъ угодно, а я не согласенъ, оспаривалъ онъ что-то, какъ угодно, и не согласенъ...

— Ну, что же, мой голубчикъ, тутъ удивительнаго, спокойно отвѣчала ему Марья Васильевна, положеніе самое обыкновенное. Не Богъ вѣсть какія тысячи получалъ покойникъ Афанасій Федоровичъ.

— Все же, Марья Васильевна... Я, извините, очень изумленъ, что вы, какъ сами говорите, не могли ничего сберечь...

— Изъ чего сберечь-то, голубчикъ мой?

— Однакоже, какъ хотите... Это необходимо, оби-

женно возразилъ Никандръ Прохоровичъ, и его узенькія плечи приподнялись кверху. Мы съ женой, вотъ посмотрите, мы живемъ на шестьдесятъ шесть рублей и шестьдесятъ шесть копѣекъ съ третью въ мѣсяцъ, т. е. я получаю въ годъ восемьсотъ рублей, а все-таки не только имѣемъ все необходимое, но и про черныи день всегда думаемъ... Нѣтъ! Такъ нельзя... И вашего покойничка не оправдываю, какъ угодно... Что же это, Господи, самоваръ-то какъ долго! хмурясь сказалъ онъ, и подойдя къ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, крикнулъ: Агафья! Давай же скорѣе самоваръ... Безъ жены, знаете, совсѣмъ бѣда... Не повернуться! Ушла, вотъ теперь и жди... Да-съ! Да-съ, Марья Васильевна, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ прерванному разговору, и говори уже совсѣмъ развязнымъ и даже нѣсколько покровительственнымъ тономъ, да-съ, жить на свѣтѣ мудро!.. Знаете, вотъ теперь по службѣ восемьсотъ рублей, какъ съ ними повернуться, туда, сюда, большое умѣнье требуется, такъ сказать, ариметику надо знать, да-съ!.. А вотъ повертываемся... Тутъ, тамъ, знаете, дѣлишки кой-какія частныя—ну, и живемъ... Конечно, много обязанъ Маремьянѣ Ивановнѣ: женщина необыкновенная... А васъ, извините, какъ угодно, а не одобряю... Необходимо, необходимо заботиться о черномъ днѣ, да-съ!

— Къ чему теперь объ этомъ говорить! грустно возразила Марья Васильевна, вздохнувъ.

— Разумѣется, я только такъ... поспѣшно отвѣтилъ Никандръ Прохоровичъ, видимо вдругъ вспомнившій, что нужно быть все-таки сдержаннѣе и не измѣнить рѣзко тона той любезной рѣчи, съ какою онъ встрѣтилъ гостей.

Младшія дѣвочки не замѣчали, что Никандръ Прохоровичъ уже не прикладываетъ своей костлявой руки къ сердцу и не выражаетъ никакого удовольствія по случаю ихъ пріѣзда. Не замѣчала этого и Марья Васильевна, со вздохами и ахами высказывавшая надежды